

Читайте романы
примадонны истинного
детектива

Сериал «Любительница частного сыска Даша Васильева»:

Крутые наследники
За помет зайцам
Дама с коготками
Дантисты тоже плачут
Эта горькая сладкая месь
Жена моего мужа
Пескострыны мажоршны
Контрольный поцелуй
Бассейн с крокодилами
Спят усталые игрушки
Вынос дела
Хобби пиджачного ученика
Домик тетюшки пжл
Привидение в кроссовках
Улыбка 45-го калибра
Бенефис мартовской кошки
Полет над тенью Ипполиты
Уха из золотой рыбки
Жизнь в кондитерском
Гарпия с пропеллером
Доллары царя Гороха
Камин для Снегурочки
Экстрим на сером волке
Стилист для снежного человека
Компот из запретного плода
Небо в рублях
Досье на Крошку Че
Ромео с большой дороги
Лягушка Баскервилей
Личное дело Желтпыты — коптки
Метро до Африки
Фейсконтроль на пляжную роль
Третий глаз — алмаз
Легенда о трех мартышках
Темное прошлое Кошки — Горбушка
Клетчатая зебра
Белый конь на принце
Любовница египетской мумии
Лебединое озеро Ихтиандры
Тормоз для блудного мужа
Мыльная сказка Шахерезады
Генши страшной красоты
Шесть соток для Робинзона
Паша на китайском перекрестке
Медовое путешествие влоном
Привет — танен мисс Марпл
Самовар с шампанским
Ангелом на мыльнице
Сон дялюшки Фрейда
Штамп на сердце женщины — вамп

Сериал «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант»:

Миниюр для покойника
Покер с акулой
Сволочь непагубная
Гадюка в сиропе
Обед у людоеда
Созвездие жалких псов
Канкан на поминках
Прогноз гадючек на завтра
Хожение под мухой
Фигурный листочек от кутюр
Камасутра для Микки Мауса
Квазимодо на шпильках
Но — ппа на троих
Синий мопс счастья
Прищипка по Кириешке
Гамма рассказывает Анжелика
Любобы — моркови и третий
лишний
Безумная кепка Мономаха
Фигура легкого эпатажа
Вутик ожовых рукавич
Золушка в покоеале
Пежный супруг олигарха
Фанери Минюсская
Фоп — пуй без тормозов
Шонинг в воздушном замке
Брачный контракт кентавра
Император деревни Гадюкино
Бабочка в гипсе
Почина жизнь мой свекрови
Королеви без банини
В постели с Кипп — Контом
Черный список деду Мазая
Костюм Адама для Евы
Добрый доктор Айбандит
Огнетушитель Прометея
Белочка во сне и наяву
Матрешка в перьях
Маскарад любовных утех
Шуры — муры с призраком
Корпоратив королевской династии

Сериал «Виола Тараканова. В мире преступных страстей»:

Черт из табакерки
Три мопса хитроест
Чушование без красавицы
Урожай лдовитых лдожок
Чудеса в кастрюльке
Скелет из пробирки
Микстура от косягозалия
Филе из Золотого Петушка
Главбух и миллиардерша в придику
Копнерт для Колобка с оркестром
Фокус — покус от Василисы Ужасной
Любимые забавы папы Кирило
Муша в самолете
Кеке в большом городе
Билет на кибер — виртошет
Монстры из хорошей семьи
Каникулы в Протофилино
Зимнее лето весны
Хеппи — энд для Дедемонаша
Стрингиз Жар — шипцы

Сериал «Джентльмен сыска Иван Полушкин»:

Букет прекрасных дам
Бриллиант мутной воды
Инстинкт Бабы — Яги
13 несчастий Геракла
Али — баба и сорок разбойников
Надувшая женщина для Казановы
Тушканчик в бигушах
Рыбка по имени Зайка
Две невесты на одно место
Сафари на черепашку
Яблоко Монте — Кристо

Сериал «Татьяна Сергеева. Детектив на диете»:

Старуха Кристи — отлыхает!
Диета для грех пороков
Инь, янь и всякая дрянь
Микроб без комплексов
Идеальное тело Пятатка
Дед Силгур и Морозочка
Золотое правило Трехмудовочки
Агент 013
Рваные валенки мадам Помпадур
Деаушка на выданье

Сериал «Любимица фортуны Степанида Козлова»:

Развеселая шлюшка Голливуда
Женки воюют мертвой царевны
Женки поскребут по пятницам
Клопатра с парашютом
Двушестерка скачавшей крышей

А также:

Кулинарная книга лентяйки. Голливуд и мультипарке
Кулинарная книга лентяйки
Кулинарная книга лентяйки — 2. Вкусное путешествие
Кулинарная книга лентяйки — 3. Праздник по жизни
Простые и вкусные рецепты Дарьи Донцовой
Записки безумной оптимистки. Три года спустя. Автобиография
Я очень хочу жить. Мой личный опыт
Добрые книги для детей и взрослых. Правдивые сказки про собак

Дарья
ДОНЦОВА

Гадюка в сиропе

сериал
**«Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант»**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Иллюстрация художника *В. Остапенко*

Под редакцией *О. Рубис*

Донцова, Дарья Аркадьевна.
Д67 Гадюка в сиропе : [роман] / Дарья Донцова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-699-91118-9

Везет же мне на приключения! Я, Евлампия Романова, чтобы не сойти с ума от безделья, нанялась экономкой в семью маститого писателя детективных романов Кондрата Разумова. Буквально через неделю его застрелил собственный сынишка, играя с папой в войну. А вскоре арестовали жену Кондрата Лену по подозрению в организации убийства. В вину Лены я не верила. И моя жизнь снова превратилась в самый настоящий детектив...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91118-9

© Донцова Д. А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

Я проснулась от того, что луч света пробежался по лицу. Ну надо же, забыла закрыть занавески, а окно моей спальни смотрит прямо на восток. Интересно, который час? Ясно, что семи сорока еще нет, потому что именно без двадцати восемь раздастся омерзительный звон будильника, и придется вскакивать, чтобы разбудить своих. Домашние ненавидят рано вставать и норовят поглубже зарыться в подушки, когда слышат крик: «Подъем!» Поэтому и будильник поставлен на такое странное время — 7.40. Дети вычислили, что 7.45 — уже поздно, а 7.30 — слишком рано. Можно еще десять минут сладко похрапеть.

Со вздохом я вытянула левую руку и принялась шарить на тумбочке, нащупывая крохотный складной «Кассио», подарок Кирюши на Новый год. Но вместо привычной полированной поверхности под пальцами была пустота, и я открыла глаза.

Перед моим взглядом возник огромный бело-голубой шкаф с позолотой, обои, смахивающие на шпалеры петергофских дворцов, и здоровенная фигура из мрамора — тучная дама, держащая в жирной руке абажур, у ее целлюлитных ног пристроилась крошечная каменная собачка...

Секунду я обалдело разглядывала этот «пейзаж», потом вспомнила вчерашние события и села. Я не дома, более того — какое-то время проведу тут, в чужой квартире. Впрочем, начну все по порядку.

Меня зовут Евлампия Романова, Евлампия Андреевна для тех, кто любит обращаться по отчеству. Живу я вместе со своей подругой Катей, по странному совпадению носящей ту же фамилию. Мы не родственницы и не имеем никакого отношения к царскому роду, просто

очень близкие подруги. Родные сестры частенько не ладят между собой, деля родительское внимание. Нам выяснять отношения нет никакой причины.

Почему я, имея собственную квартиру и дачу, поселилась у Кати — особая история, вспоминать ее нет никакой необходимости. Просто раньше, до встречи с ней, я была замужем за богатым бизнесменом Михаилом и откликалась на имя Ефросинья, данное мне родителями. Но в один прекрасный момент устоявшийся уклад жизни рухнул. Михаил оказался уголовным преступником, убийцей, и сейчас отбывает срок в зоне где-то в Коми, точно не знаю, мы развелись, и никаких теплых чувств к бывшему супругу в моем сердце нет. Детей у меня никогда не было, впрочем, работы тоже. Любящие родители с детства готовили меня к артистической карьере. Я закончила сначала музыкальную школу, а потом консерваторию по классу арфы. Крайне «нужный» инструмент в современном мире — с ним даже не пойдешь подрабатывать лабухом в ресторан.

Ну представьте такую картину: какой-нибудь кабак или ночной клуб, а на сцене арфистка, вдохновенно нащипывающая жалобно стонущую арфу. Да разъяренные посетители зашвыряют исполнительницу куриными костями и столовыми приборами... Сборных концертов советских времен, когда на сцену вперемежку выходили оперные и эстрадные певцы, чтецы, танцоры, теперь нет. Малочисленные места в симфонических оркестрах давным-давно заняты, оставалось лишь заниматься сольными выступлениями. Но господь не дал мне таланта, отсыпав сверх всякой меры усидчивости и послушания. Играть на арфе я выучилась лишь благодаря редкой трудоспособности. Правда, гениальный Рихтер говорил: «Талант — это, конечно, хорошо, но у музыканта должен быть железный зад». У меня он, наверное, был чугуновый. Во всяком случае, просиживала я за инструментом по шесть-восемь часов в день, но толку было чуть. Освоив техническую сторону вопроса, я не сумела ни разу поймать вдохновение. Пальцы автоматически перебирали струны, но душа в этом процессе не участвовала. Контакта с залом не возникало, успеха я не имела и бросила заниматься музицированием, выйдя замуж.

Кстати, родители дали мне имя Ефросинья, но, чтобы полностью порвать с прошлым, я решила называться Евлампией. Честно говоря, новое прозвание пришло на ум как-то сразу, может, следовало сначала подумать, рассудить и стать Таней, Машей или Леной. Но сделанного не воротить, и я теперь вынуждена откликаться на... Лампу.

У Катюши я веду домашнее хозяйство: готовлю, убираю, стираю, воспитываю ее младшего сына Киришу и периодически гашу скандалы, которые устраивает его старший брат Сережка своей жене Юлечке. Еще в доме тучами роятся домашние животные: собаки, кошки, хомяки... и не менее многочисленные гости и родственники.

Многие женщины моментально бы заработали невроз, стоя день-деньской у плиты, а вечер у мойки с грязной посудой. Но я счастлива и искренне считаю мальчиков своими сыновьями. Да и занимаюсь ими больше, чем Катя, ей просто некогда. Она великолепный хирург, вдохновенно оперирующая щитовидную железу. Таких специалистов в России — раз, два и обчелся. Больные стоят к Романовой в очередь, приезжают не только из бывших союзных республик, но и из Германии, Франции, Италии. Хитрые иностранцы хорошо умеют считать деньги и понимают: мадам Романова сделает операцию первоклассно, а по затратам выйдет на порядок меньше, чем дома.

Катюша просто не способна отказать страждущим и порой проводит в день по три операции, частенько оставаясь потом в отделении до ночи.

Так что, когда я пришла в их безалаберный дом, там ели пельмени, сосиски и яичницу, а в качестве апофеоза кулинарии готовили в выходной суп «Кнорр». Но только не подумайте, что Катюша ленива, ей просто некогда... Поэтому хозяйство в этой семье стала вести я и распоряжаюсь всем — деньгами в первую очередь. У меня есть такая большая серая тетрадка, где я пытаюсь планировать траты. Ну, например. Приход — пять тысяч, расход — шесть. Как ни стараюсь, концы не хотят сходиться. Чего я только не предпринимала — делила деньги на кучки, каждую заворачивала в отдельную бумажку и писала сверху: «Еда с 7 по 14 февраля», «Питание с 15 по

22 февраля...». Но потом Кирюшка рвал брюки, у Сережки портилось зажигание в машине, Юлечке требовались колготки, а собаки, «удачно» наевшись отбросов у помойки, должны были пить левосульгин по цене двести рублей за три таблетки... Приходилось влезать в следующую неделю...

Поняв, что «кучкообразная» система не проходит, я применила «баночную». Купюры разложила по стеклянным емкостям из-под кофе и запрятала в разные места, наивно полагая, что, если процесс поиска денег затянется, они окажутся целее... В результате две тысячи рублей испарились вместе с банкой. Я перерыла шкафы, комод, диван, но так и не нашла столь надежно спрятанную «захоронку».

Вся моя жизнь — борьба за уменьшение расходов и увеличение доходов. Но в конце концов в этой битве я потерпела сокрушительную неудачу. Что только я не придумывала: меняла рубли на доллары, немецкие марки, а один раз даже на японские иены... но все равно через день-другой приходилось бежать вновь в обменный пункт и совершать обратные операции. Все это очень напоминало анекдот о голодных чукчах, которые вечером сеяли картошку, а утром ее выкапывали, потому что очень кушать хотели.

Правда, пару раз мне самой удалось заработать, но наш бюджет строился не на этих редких и случайных суммах. Впрочем, и Катюша, и Сережка, и Юлечка пытались принести побольше, но... Именно желание заработать хорошие деньги и привело к тому, что сейчас я тоскливо разглядываю чужую вульгарно-дорого обставленную комнату. Справедливости ради следует сказать, что у меня есть большая дача и коллекция картин русских живописцев. И то, и другое осталось в наследство от моих родителей. Но дачу в Алябьеве мы не собираемся продавать, там так чудесно всем жить летом, а о том, чтобы отнести на аукцион хоть одну из картин, не хочет слышать никто из моих домашних. Не мы собирали, не нам и продавать, останется детям и внукам.

Вчера, в понедельник, Катерина улетела в Майами. Американцы пригласили ее на год поработать в отделении, специализирующемся на операциях щитовидной

железы. Оклад предложили такой, что она вначале решила, будто факс просто ошибся и припечатал лишние нули. Но телефонные разговоры развеяли ее сомнения.

Кирюшка, естественно, отправился вместе с матерью. Катюша, не желавшая расставаться с Сережкой и Юлей, поставила американцам условие: старшему сыну двадцать пять лет, но он вместе с женой тоже едет в Майами. Главный врач клиники настолько хотел заполучить классного специалиста, что моментально согласился и даже нашел Сережке работу в дизайнерском агентстве. Наверное, это оказалось непростое сделать, но принимающая сторона скорей всего привыкла к капризам великих хирургов. Во всяком случае, когда Катерина заявила, что собаки: мопсы Муля и Ада, стаффордширская терьерка Рейчел — и кошки Клаус и Семирамида тоже едут с ней, американцы не стали возражать, только попросили оформить ветеринарные свидетельства.

В понедельник я, обливаясь слезами, обнимала их у стойки таможенного контроля.

— Цирковые актеры? — поинтересовался пограничник, разглядывая клетки с животными.

Потом пластмассовые клетки погрузили на тележку, и Кирюшка поехал на паспортный контроль. Обернувшись, он крикнул:

— Лампушечка, любимая, не скучай, только год пройдет, это быстро.

Я покорно закивала головой: конечно, быстро. Кирюшка показал пальцем на свою курточку и хихикнул. Я вздохнула. В глубине кармана сидит строго запрещенная к ввозу в Америку жаба Гертруда... Проводив их, я вернулась домой и походила по пустым комнатам. Сердце тяжело сжалось — никто не вопил: «Лампа, есть давай!» или «Лампек, погладь рубашку»... Не играли собаки, не мяукали кошки, не орали телевизоры, не шумел Кирюшка, не возмущалась Юля, и не пел в туалете Сережка. Как иногда мне хотелось тишины, но теперь, когда покой наконец наступил, он мне решительно не понравился. Впрочем, уже вечером мне предстояло, заперев квартиру, отправиться к месту работы.

Да, Катюша предлагала мне просто переждать год.

— Лампушенька, — говорила она, — с деньгами теперь проблемы нет. Будем посылать тебе с оказией.

Но я пришла в настоящий ужас. Остаться одной, в пустой квартире! И потом, всю свою жизнь я сижу за спиной у кого-то. Сначала у любящих родителей, потом, когда умер папа, под надежным маминым крылом, затем возле мужа, следом подле Кати... И очень хорошо, что американцы отказались дать мне, незамужней женщине, визу на въезд. Возраст подкатывает к сорока, и пора наконец мне стать самостоятельной.

Несколько дней мы пытались найти для меня достойную работу. Учительница музыки? Переписчица нот? Собачий парикмахер? Агент по продаже недвижимости? Торговка «Гербалайфом»? Ну скажите, чем может в наше время заниматься женщина не первой свежести, не имеющая эксклюзивной профессии?

— Иди в мою школу училкой на продленку, — посоветовал Кирюшка.

— Ну уж нет! — отрезала я. — Я отнюдь не обладаю христианским смирением. А на этом месте требуется крайне выдержанный человек, вроде твоей Галины Алексеевны Криворучко.

Наконец Катюша нашла выход.

— Лампуша, — сказала она, — ты читала книги Кондрата Разумова?

Еще спрашивает! Да я обожаю детективы до дрожи и проглатываю все, что появляется на прилавках. Правда, больше люблю женщин — Маринину, Дашкову, Полякову, но и некоторых мужчин читаю с удовольствием, например, Леонова и Вайнеров, впрочем, и томики Кондрата Разумова иногда беру в руки. Хотя многие его романы не очень мне нравятся — плохо заканчиваются, а все герои малосимпатичные люди.

— Так вот, — продолжала Катерина, — у меня лечилась его жена Лена. А сегодня она позвонила с просьбой. Понимаешь...

Конечно, я понимаю, почти все Катюшины больные потом становятся ее хорошими знакомыми и частенько обращаются к хирургу за помощью. У нее записная книжка лопается от номеров телефонов, и она с легкостью решает чужие проблемы.

— Лампа, — обозлилась Катя, — слушай внимательно.

— Да, да, — забормотала я, пытаясь вникнуть в ее слова.

Так вот, супруга модного и преуспевающего литератора пожаловалась ей, что в доме у них настоящий бардак. Горничные, как одна, нахалки и воровки, кухарка готовит дрянь, деньги, бешеные тысячи, которые выдаются на хозяйство, исчезают, как в черной дыре, дети расхлябанны, а гувернантки, вместо того чтобы заниматься их воспитанием, моментально, как только наймутся на работу, начинают строить глазки Кондрату и вертеть перед мужиком полуголым задом. Словом, требуется найти экономку, желательно даму лет сорока, не озабоченную сексуально, честную и деловую, которая твердой рукой наведет порядок. Нет ли у Кати на примете подходящей кандидатуры? Жить надо у Разумовых в квартире постоянно, оклад соответствующий.

— Как раз для тебя! — радовалась Катюша.

— Интересное дело, я не хочу быть домработницей!

— Экономкой, — поправила Катя. — У тебя под началом будут кухарка и горничная, да еще домашние учителя-репетиторы их старшей дочери. Она не ходит в школу.

— Почему?

Катюша пожала плечами:

— Не знаю. Может, здоровье слабое. Впрочем, не хочешь, не надо, но, на мой взгляд, место неплохое.

Поколебавшись немного, я согласилась, и Катерина перезвонила Разумовой.

— Леночка, — защебетала она в трубку, — кажется, я нашла нужную кандидатуру. Зовут ее Евлампия Андреевна. Нет, нет, ей около сорока, просто имя такое. Она мастер на все руки, человек безукоризненной честности. Последний год работала у меня, но я уезжаю в Майами... Рекомендую как себя. Что ты, душенька, ей и в голову не придет соблазнять Кондрата, если уж на то пошло, у нее есть молодой любовник, она с ним по четвергам, в свой выходной, встречается.

— Ну какого черта ты придумала про хахаля! — возмутилась я.

Катюша захихикала:

— Лена у Кондрата четвертая жена. Он очень на баб падок, вот она и волнуется.

— Пусть старых нанимает!

— Во-первых, — веселилась Катя, — многие старухи не прочь развлечься с молоденьким, а во-вторых, какие из них работницы? Нет, наемная сила должна быть молодой, но это чревато нежелательными последствиями. Ну, решайся!

— Ладно, — безнадежно пробормотала я, — согласна.

В понедельник вечером, тщательно закрутив кран газа, вырубив электропробки и поставив квартиру на охрану в милиции, я с небольшим саквояжиком в руках пришла на место службы.

Дом, где обитал Разумов, сразу давал понять: тут живут обеспеченные люди. На двери подъезда имелись домофон и видеокамера. Внутри, у лифта, сидел консьерж. Да не какая-нибудь трясущаяся от болезни Паркинсона убогая бабка, а бравый парень лет тридцати, в черной форме. Лестница застелена ковровой дорожкой, в лифте сверкает зеркало и пахнет коньяком, французскими духами и отличным куревом.

На пятом этаже было всего две двери. На одной золотом горели цифры 110. Очевидно, Разумов объединил несколько квартир в одну или, разбогатев, отселил своих соседей.

Я нажала на звонок. За дверью, явно железной, обитой дорогой натуральной кожей цвета кофе с молоком, раздавалась приятная музыка. Я усмехнулась. Звонок играл «Маленькую ночную серенаду». Интересно, чем так приглянулся гениальный Моцарт производителям мобильных телефонных аппаратов и дверных звонков? Почему именно его музыку они выбирают для улады ушей потребителя? Может, просто никогда не слышали про других композиторов? На мой взгляд, к двери удобнее бежать под «Танец с саблями» Хачатуряна, бодрит и держит в тонусе.

Но у Разумовых не торопились открывать. Серенада длилась и длилась. Наконец откуда-то из-под потолка донеслось:

— Чего надо?

Однако мило и интеллигентно разговаривают в семье литератора.

— Здравствуйте, я Евлампия Романова.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась бабища лет пятидесяти, огромная, как русская печь. Подушкообразная грудь свободно колыхалась под безразмерной

трикотажной кофтой, длинная юбка почти полностью скрывала ноги, из-под нее торчали лишь огромные тапки с ярко-зелеными помпонами. Волосы красавицы были стянуты в хвостик, лицо серое, а глазки противно-маленькие и хитрые.

— Вы Елена? — ошарашенно спросила я.

— Хозяйка в спальне, — буркнула небесная красавица и, хлопая тапками о голые пятки, тяжело переваливаясь с боку на бок, удалилась.

Я в растерянности осталась стоять в прихожей, но тут где-то далеко послышался дробный стук каблучков, и на меня выскочила тоненькая прехорошенькая девочка лет пятнадцати. Светло-каштановые кудри блестели в свете яркой хрустальной люстры, щеки покрывал румянец, пурпурные губы улыбались. Не девчонка, а статуэточка.

— Ты, наверное, дочка Кондрата Разумова, — ласково сказала я, снимая пальто. — Давай знакомиться. Я ваша новая экономка Евлампия Андреевна. Впрочем, надеюсь, мы подружimsя, так что зови меня так, как зовут хорошие приятели, — Лампа. А где твоя мама?

— Очень приятно, — улыбнулась девчонка и подала мне тонкую бледную руку с изящным бриллиантовым кольцом. — Я Елена Михайловна, супруга Кондрата Разумова.

ГЛАВА 2

Вспоминая свое знакомство с хозяйкой, я тяжело вздохнула. В такую идиотскую ситуацию до сих пор я попадала лишь однажды, когда летом столкнулась во дворе с соседом Устиновым. Благообразный, седой, как старая собака, старик вез в коляске крохотную девочку, которой скорей всего не исполнилось и года. Увидев меня, он радостно заулыбался:

— Евлампия Андреевна, смотрите, какая у нас Анечка!

Вспомнив, что у Устинова внука в прошлом году закончила школу, я приветливо ответила:

— Поздравляю, Петр Михайлович, у вас очаровательная правнучка.

Старик побагровел и процедил сквозь изумительно сделанные протезы:

— Это моя дочь.

Только тут я припомнила, что целый год дворовая общественность сладко сплетничает о сошедшем с ума Устинове, женившемся после смерти супруги на однокласснице своей внучки.

Солнечный квадрат переместился по потолку, и я со вздохом встала. Так, пора начинать рабочий день и знакомиться с обитателями квартиры. Поколебавшись немного возле шкафа, я нацепила черненькие брючки, черненький свитерок и, чувствуя себя Джен Эйр, отправилась на поиски хозяйки.

Лена в огромном кабинете сидела за письменным столом и перебирала какие-то бумажки. Увидев меня, она заулыбалась и спросила:

— Вы всегда так рано встаете?

Мой взгляд упал на красивые старинные часы, висящие на стене, — без пятнадцати десять. Однако если это рано, то во сколько же тут завтракают?

— Наш день начинается около полудня, — объяснила хозяйка, — в двенадцать завтрак, в шесть обед, ужинаем около двадцати трех.

Наверное, в моем лице что-то дрогнуло, потому что она добавила:

— Кондрат страдает бессонницей, может до пяти-шести утра промаяться, вот день и сдвинут. Мне тоже нет необходимости рано вставать. Я художница и, честно говоря, люблю работать вечером. Ванечке только четыре года, ну а к Лизе ходят учителя на дом.

— Она больна? — поинтересовалась я.

Лена дернула точеным плечиком.

— Елизавета — дочь Кондрата от первого брака, ей тринадцать лет. Маменька ее, наша, так сказать, бывшая супруга, спихнула девчонку отцу, мотивируя свое нежелание воспитывать дочь просто — «не хочу». Вот Лиза и живет с Кондратом, а тот жалеет нахалку и балует безмерно, сами увидите, ее из пяти школ выгнали... Ладно, пойдемте посмотреть квартиру.

Комнат оказалось много. Спальня Кондрата примыкала к его кабинету.

— Упаси вас бог, — предостерегла Лена, — что-нибудь тронуть здесь на столе или включить компьютер, муж убить может! А то до вас была дама, страстная любительница «бродилок», поставила дискету и занесла вирус, пропала рукопись недописанного романа, представляете?

— Я не слишком хорошо умею пользоваться компьютером, да и не люблю его, — пояснила я, и мы пошли дальше.

Гостиная, столовая, спальня Лены, детская Вани, комната Лизы, кухня, две ванны и три туалета, в самом конце коридора небольшое, примерно десятиметровое, помещение, отданное мне. Кухарка, горничная и репетиторы были приходящими.

— Наташа, — сказала Лена, входя на кухню, — это Евлампия Андреевна, по всем вопросам обращайтесь к ней.

Огромная, неопрятного вида бабища молча кивнула, потом грубовато спросила:

— А завтрак-то кто подавать станет? Я его только готовить нанималась, и к двери мне недосуг бегать...

— Сегодня к одиннадцати придет новая горничная, — вздохнула Лена.

— Небось такая же лентяйка, как Светка, — фыркнула кухарка и ядовито добавила: — Вы бы, Елена Михайловна, сразу объяснили девчонкам, что Кондрат Федорович шутит и вовсе не собирается их на самом деле в кровать укладывать.

Лена покраснела неровными пятнами, но тут в кухню вошла полненькая девочка в пижамке с Микки-Маусами и капризно протянула:

— Мне не подали в постель какао.

Наташа отвернулась к плите и принялась демонстративно помешивать ложкой в кастрюле какое-то варево. Лена сурово глянула на падчерицу:

— Новая горничная придет только к одиннадцати, так что придется подождать с завтраком. Впрочем, можешь сама себе налить!

Лиза кивнула, подошла к сушке, вытащила огромную синюю чашку, украшенную картинкой с Гуфи, и спросила:

— Где стоит какао?

— В шкафу, — кивнула Наташа.